

и исполнивъ по дому разныя мелочныя надобности, отправился въ путь «къ мировому». Онъ очень спѣшилъ, потому что идти приходилось не близко: мѣстный судья уѣхалъ куда-то въ отпускъ, за него исправлялъ должность мировой судья городского участка, а отъ Богодухова до уѣзднаго города считалось верстъ восемнадцать. Единственную же свою лошадь Алексѣй Ивановичъ отправилъ въ поле на пахоту. Да еслибъ она и была свободна, едва ли онъ воспользовался бы ея услугами: какъ человѣкъ весьма «хозяйственный», онъ берегъ свою «животину» пуще всего, и никогда не запрягалъ ее «безъ надобности».

Было раннее утро, когда Алексѣй Ивановичъ шагаль по пыльной дорожкѣ, пролегавшей черезъ Мокрецы, между двумя стѣнами густой, сине-зеленой ржи, которая только-что начинала зацвѣтать. Невысокій туманъ еще покрывалъ поля, тихо волнуясь надъ ними своей непроницаемой пеленой мутно-молочнаго цвѣта. Но совершенно чистое небо уже было залито потоками солнечныхъ лучей, видимыхъ даже сквозь дымку тумана; въ высотѣ уже звенѣли пѣсни жаворонковъ; уже начинали трещать, жужжать и суетиться миллиарды насѣкомыхъ. Все предвѣщало погожий, чудесный день. И въ самомъ дѣлѣ, вдругъ густая масса тумана какъ-то вся заколебалась, что-то въ ней заклубилось, завилось, заволновалось; кое-гдѣ образовались разрывы и яркіе просвѣты; еще минута, двѣ, и вотъ—словно невидимою силой разомъ отдернуть былъ громаднѣйшій занавѣсъ—солнце брызнуло своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ на все вокругъ, и мгновенно выявилась широкая панорама окрестностей: загорѣлся крестъ Песоченской церкви; засверкала странная Мѣловая гора бѣлыми боками своихъ огромныхъ овраговъ, окаймленныхъ чернотѣсьемъ; зазолотилось облако пыли, не вдалекѣ поднятое пестрымъ стадомъ, которое съ веселымъ мычаньемъ бѣжало на пастбу. Вся даль съ ея холмами, селами, полями и перелѣсками была залита сплошнымъ моремъ горячаго свѣта; и только вблизи, вокругъ Алексѣя Ивановича, солнце разсыпалось отдѣльными блестящими растопленного золота, которыя сквозили, прыгали и мелькали среди высокихъ стеблей роскошнѣйшей ржи.

Однако, у Щастнева не было ни глазъ, ни вниманія для красивой картины, такъ просторно и ярко развернувшейся передъ нимъ: онъ весь, всѣми своими чувствами, всѣмъ своимъ помышлениемъ ушелъ въ восторженное созерцаніе богатой нивы, которая волновалась вокругъ него. И не причудливою игрою золотыхъ блестокъ, не быстро бѣгущими волнами сѣро-зеленой тѣни любовался онъ, вглядываясь въ высокія стѣны ржи, гдѣ